

Николай Добролюбов

**Деревенская жизнь помещика
в старые годы**

Николай Добролюбов

**Деревенская жизнь
помещика в старые годы**

«Public Domain»

1858

Добролюбов Н. А.

Деревенская жизнь помещика в старые годы /
Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1858

Статья Добролюбова была одной из первых попыток открыто осмыслить явление крепостничества и произнести ему приговор в то время, когда вопрос об отмене крепостного права был еще далек от своего разрешения и, осуждаемое в передовых кругах, оно для многих оставалось естественным и нормальным состоянием. Статья показывает, что своекорыстие и произвол в отношениях с крестьянами определяются не личными качествами отдельных помещиков (жестокостью, невежеством), а всем строем жизни, системой общественных отношений. Сами пороки помещиков есть пороки целого сословия, развращенного праздностью и бесконтрольной властью над крепостными.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	10
--	----

Николай Александрович Добролюбов

Деревенская жизнь помещика в старые годы

(«Детские годы Багрова-внука», служащие продолжением
«Семейной хроники» С. Аксакова. Москва, 1858)

Решаясь говорить о новой книге г. Аксакова, мы прежде всего отстраняем от себя всякое суждение о художественных достоинствах этой книги. Распространяться о них мы считаем излишним по многим причинам, из которых главные состоят в том, что, во-первых, это было бы крайне скучно, а во-вторых, что мы слишком уважаем фактическую правду мемуаров г. Аксакова, чтобы силиться отыскать в них еще правду художественную. Мы согласны, конечно, что и в самых правдивых воспоминаниях может быть много художественных достоинств, состоящих в способе представления предметов и даже в самом изложении. Но кому же было бы интересно следить за нами, если бы мы стали отыскивать подобные достоинства в «Детских годах» г. Аксакова? Ровно два года тому назад все журналы полны были восторженными похвалами художественному таланту г. Аксакова, обнаруженному им в «Семейной хронике»^[1]. Авторитет С. Т. Аксакова установился с тех пор незыблемо. Его некоторые поставили главою современной русской литературы^[2], и этому никто не думал противоречить, исключая г. К. С. Аксакова, который в начале прошлого года, обозревая в «Русской беседе» современную нашу литературу, выразил мнение, диаметрально противоположное взглядам поклонников С. Т. Аксакова. Именно г. К. С. Аксаков объявил, что С. Т. Аксаков не только не есть глава современной русской литературы, но даже вовсе и не принадлежит к ней, а стоит как-то «совершенным особняком»^[3]. Должно полагать, впрочем, что и этот, столь неблагоприятный, отзыв вызван был более потребностью сказать и здесь хоть что-нибудь в пику западникам, превозносившим «Семейную хронику», нежели действительным желанием отнять С. Т. Аксакова у современной русской литературы. Как бы то ни было, в последние два года С. Т. Аксаков, по признанию всех своих поклонников, занял бесспорно первое место в ряду русских писателей. Этого мало: художественные достоинства произведений С. Т. Аксакова были так ярки, что обратили внимание многих на нравственные качества самого автора и доставили ему всеобщее уважение уже просто – как человеку, – поразительное доказательство этого уважения мы видели недавно в студентах Казанского университета, праздновавших свой университетский юбилей^[4]. Но еще более разительный пример представили петербургские студенты: задумавши издавать сборник своих ученых трудов, они сочли долгом испросить на это одобрение г. Аксакова и были в великом восторге, когда автор «Семейной хроники» одобрил их намерение издавать ученый сборник^[5]. Вскоре после того один студент, писавший в «Молву» письма о том, что он «Молве» очень сочувствует, а петербургских журналов не терпит за то, что они ограничиваются случайными воззрениями своих случайных сотрудников, – этот самый студент от лица всего Петербургского университета называл С. Т. Аксакова другом человечества и русского народа и даже «мерилом истины и справедливости»^[6]. Все это мы припоминаем затем, чтобы показать, до какой степени велик авторитет С. Т. Аксакова в глазах многочисленных его поклонников. Наш голос ничего не мог бы прибавить к известности автора «Детских годов» – как бы мы ни рассыпались в похвалах им; точно так же, как бесплодны были бы все наши усилия, если бы мы вздумали доказывать, что новая книга г. Аксакова не имеет таких достоинств, как его прежние воспоминания. Поэтому мы решили, что гораздо благоразумнее будет с нашей стороны – не утомлять читателей подробным анализом художественных совершенств или недостатков «Детских годов». Авторитет г. Аксакова утвердился в общественном мнении, а раз утвердившиеся авторитеты держатся в нем до тех пор, пока не произойдет значительной

перемены вообще в понятиях и направлении общества. Восставать же против общего мнения благонамеренная критика может и должна только тогда, когда влияние авторитета оказывается вредным для общества. Но литературная деятельность г. Аксакова так чиста и благородна, что критике остается с радостью принять общий приговор публики. Значение прежних рассказов г. Аксакова было утверждено публикою, она же решит и значение новой его книги. Нам остается сказать немного о содержании «Детских годов»; а потом мы намерены обратить внимание читателей на одну сторону воспоминаний г. Аксакова¹, особенно нас заинтересовавшую – именно на то, какую является в его рассказах жизнь наших старинных помещиков в их деревнях.

Все воспоминания, находящиеся в «Детских годах», относятся к деревенской жизни помещиков – родных Багрова, в Багрове и Чурасове, и к переездам из одного села в другое. Немного страниц посвящено описанию жизни в Уфе. В изображениях природы и своих личных впечатлений автор отличается тою же обстоятельностью, какая заметна была и в прежних его произведениях. Нам кажется даже, что здесь эта обстоятельность выразилась еще более,

¹ Мы называем «Детские годы» воспоминаниями г. Аксакова, несмотря на то, что он сам прикрывался здесь именем Багрова, от лица которого вел «Семейную хронику». Не понимая, к чему может служить дальнейшее удержание псевдонима, раскрытого уже самим автором, мы не считаем нескромностью называть здесь С. Т. Аксакова собственным именем. Мы, конечно, не осмелились бы сделать этого, если бы перед нами не было «Воспоминаний» г. Аксакова, изданных им два года тому назад от своего имени и служащих непосредственным продолжением «Детских годов». Последняя глава «Детских годов» оканчивается тем, что родители Багрова, Алексей Степанович и Софья Алексеевна, отправляются вместе с своим сыном Сережей в Казань, помолиться тамошним чудотворцам, из села Чурасова, Симбирской губернии, где они гостили у тетушки, Прасковьи Ивановны. С ними отправилась Параша, нянька Сережи, а младший брат и сестра его остались в Чурасове. Это было в январе месяце. «Я поехал, – говорит Сережа Багров, – не мечтая о том, что ожидало меня впереди. А впереди ожидало меня начало важнейшего события в моей жизни...» При этом Аксаков замечает: «Здесь прекращается повествование Багрова-внука о своем детстве. Он утверждает, что дальнейшие рассказы относятся уже не к детству его, а к отрочеству». Эти самые рассказы, относящиеся к отрочеству, находим мы в «Воспоминаниях» самого г. Аксакова, которые начинаются таким образом: «В середине зимы 1799 года мы приехали в губернский город К. Мне было восемь лет... Сестра моя и брат, оба меня моложе, остались в Симбирской губернии, в богатом селе Чуфарове, у двоюродной тетки моего отца, от которой в будущем ожидали мы наследства... Отец и мать ездили в собор помолиться и еще куда-то, по своим делам, но меня не брали с собою, боясь жестоких крещенских морозов. Обедали они дома, но после опять уехали; утомленный новыми впечатлениями, я заснул ранее обыкновенного, болтая и слушая болтовню приехавшей с нами женщины, Парашы». Уже одного этого начала достаточно было бы для убеждения внимательного читателя в тождестве Аксакова и Багрова. Но далее, в продолжении собственных воспоминаний г. Аксакова, беспрестанно попадают такие вещи, которые наконец уничтожают всякое сомнение в голове самого недогадливого читателя. Село Багрово, писанное в «Детских годах», – совершенно то же, что и Аксакове в «Воспоминаниях»: и в том и в другом селе – тот же Бугуруслан, те же Антошкины мостки, Мордовский овраг, те же слуги – Никагор Танайченко, Иван Мазан, – тот же дядька Ефрем Евсеич, та же ключница Палагея с тою же сказкою об «аленьком цветочке»; в окрестностях – те же села: Неклюдово и Мордовский Бугуруслан. Даже самые ничтожные подробности сходятся слишком близко, чтобы не заметить их тождества. Вот пример. В Багрове описывается маленький островок на Бугуруслане таким образом: «Там было очень хорошо: берега были обсажены березами, которые разрослись, широко раскинулись и давали густую тень; липовая аллея пересекала остров посередине; она была тесно насажена, и под нею вечно был сумрак и прохлада... На остров нередко с нами хаживала тетушка Татьяна Степановна. Сидя под освежительной тенью, на берегу широко и резво текущей реки, иногда с удочкой в руке, охотно слушала она мое чтение... Тетушка любила делать надписи на белой и гладкой коже берез и даже вырезывала иногда ножичком или накальвала толстой булавкой разные стишки из своего песенника» («Детские годы», стр. 375–377). А вот описание подобного же островка уже не в Багрове, а в Аксакове: «Это было любимое место моей тетки Евгении Степановны, все засаженное по берегу реки березами и пересеченное посередине липовой аллеей... Евгения Степановна хотя не получила никакого воспитания, как и все ее сестры, но имела в душе какое-то влечение к образованности и любовь к природе. У ней водились кое-какие книжечки: старинные романы (вероятно, доставленные ей братом) и театральные пьески. Тетка любила читать книжку на острове и удить рыбку в глубокой Старице. На многих березах вырезала она свое имя и числа разных годов и месяцев, даже какие-то стишки из песенника» («Сем. хр.» и «Восп.», стр. 236). Примеров такого сходства всего багровского с аксаковским мы могли бы найти очень много; но полагаем, довольно и одного для полного убеждения, что под именем Багрова С. Т. Аксаков рассказывает свои собственные воспоминания. Мы особенно настаиваем на этом тождестве именно потому, что хотим рассматривать не художественную, а фактическую сторону «Детских годов». Как бы факты ни были согласны с самою природою вещей, как бы рельефно и осязательно ни были они представлены, но все же то, что случалось с неизвестным нам мифическим Багровым, никогда не может иметь такого реального, исторического значения, как то, о чем рассказывает нам как очевидец С. Т. Аксаков. Его воспоминаниями мы будем пользоваться как мемуарами, заключающими в себе действительно случившиеся события, без всякой примеси поэтического вымысла. Вот почему постарались мы прежде всего обратить внимание на тождество Багрова с автором «Воспоминаний», тождество, уже раскрытое, но не объясненное прямо самим автором. Сделавши эти необходимые замечания, мы уже, нисколько не стесняясь, будем употреблять имя г. Аксакова вместо вымышленного имени Багрова, – где это будет нужно.

нежели в прежних произведениях г. Аксакова. Причина этого очень понятна: воспоминания детства всегда живее представляются человеку, нежели воспоминания о последующих годах его жизни. Тем более должно было проявиться это в г. Аксакове, который, как видно из его воспоминаний, всегда отличался более субъективной наблюдательностью, нежели испытующим вниманием в отношении к внешнему миру. Эта субъективная наблюдательность началась в нем весьма рано. Он рассказывает, что помнит себя, когда отнимали его от кормилицы, и даже несколько раньше. «Я помню себя, – говорит он, – лежащим ночью то в кровати, то на руках матери и горько плачушим: с рыданием и воплями повторял я одно и то же слово, призывая кого-то, и кто-то являлся в сумраке слабо освещенной комнаты, брал меня на руки, клал к груди, и мне становилось хорошо». Таким простодушно-правдивым характером отличаются все записки о детских годах Багрова, и мы ни на одной странице их не нашли, чтобы автор их усиливался возвысить какую-нибудь художественную прибавкою простую правду своих воспоминаний. Видно, что он безыскусственно поверял бумаге все, что ему рисовала его память, не стесняясь даже тем, что в детской жизни было много моментов, до известной степени повторявших друг друга. Он дорожил каждою подробностью и записывал ее столько раз, сколько раз она припоминалась. Так, много раз описывает он дорогу, уже знакомую читателям, много страниц занимает подробным изображением своих чувств, уже не в первый раз появляющихся в его душе².

Каждый из этих частных моментов, из этих особенных состояний, внесен автором в записки, конечно, потому, что для него самого они имеют все-таки свои оттенки, свои различия, хотя различия эти почти неуловимы для читателя. Но зато тем более доверия внушают рассказы г. Аксакова, тем живее является перед нами эта жизнь, не составленная художественным образом из обломков и лоскутков, а просто изображенная в своей фактической верности. Видно, что автор дорожил всем, что только сохранила его память: много страниц посвящает он описанию кормежек лошадей и ночевок в дороге; на многих страницах изображает свои удочки и ужение, свое засыпание и пробуждение, свои книжки, свои болезни и пр.³.

В этих шести встречах есть некоторая разница; но она понятна более для автора, нежели для читателя, который, при однообразии общей формы, легко может перемешать их. Если бы С. Т. Аксаков составлял из воспоминаний какое-нибудь художественное целое, то, конечно, он сумел бы, с обыкновенным своим искусством, избегнуть всех повторений и ненужных подроб-

---

² Чтобы не делать длинных выписок, мы ограничимся здесь, для подтверждения своих слов, тем, что выпишем из «Детских годов» изображение того, как встречают молодых Багровых каждый раз, как они приезжают в это село. (Стр. 77.) «Бабушка и тетушка встретили нас на крыльце. Они с восклицаниями и, как мне показалось, со слезами обнимались и целовались с моим отцом и матерью, а потом и нас с сестрой перещеловали...» (Стр. 107.) «Двери были растворены настежь; в сенях уже стояли бабушка, тетушка и двоюродные сестрицы. Дождь лил как из ведра, так что на крыльцо нельзя было выйти; подъехала карета, в окошке мелькнул образ моей матери, – и с этой минуты я ничего не помню...» (Стр. 202.) «Нас ожидали, догадались, что это мы едем, и потому, несмотря на ночное время и стужу, бабушка и тетушка Татьяна Степановна встретили нас на крыльце: обе плакали навзрыд...» (Стр. 256.) «Когда мы подъехали к дому, бабушка, в полгода очень постаревшая, и тетушка Татьяна Степановна стояли уже на крыльце. Бабушка с искренними, радостными слезами обняла моего отца и мать». (Стр. 327.) «Тетушка выбежала на крыльцо и очень нам обрадовалась, а бабушка еще больше: из мутных, бесцветных и как будто потухших глаз ее катились крупные слезы. Она благодарила отца и особенно мать...» и пр. (Стр. 450.) «Нашу карету увидели издали, когда она начала спускаться с горы, а потому не только тетушки и дяди, но вся дворня и множество крестьян и крестьянок собрались у крыльца. Можно себе вообразить, сколько тут было слез, рыданий, причитаний, обниманья и целованья...»

³ Для образца того, с какою подробностью автор описывает все самые мелкие обстоятельства своей детской жизни, приведем здесь описание приготовления миндального пирожного. (Стр. 118–119.) «Миндальное пирожное всегда готовила она сама (мать Багрова), и смотреть на это приготовление было одним из любимых моих удовольствий. Я внимательно наблюдал, как она обдавала миндаль кипятком, как счищала с него разбухшую кожицу, как выбирала миндалины только самые чистые и белые, как заставляла толочь их, если пирожное готовилось из миндального теста, или как сама резала их ножницами и, замесив эти обрезки на яичных белках, сбитых с сахаром, делала из них чудные фигурки: то венки, то короны, то какие-то шапки или звезды; все это сажалось на железный лист, усыпанный мукою, и посылалось в кухонную печь, откуда приносилось уже перед самым обедом, совершенно готовым и поджарившимся. Мать, щегольски разодетая, по данному ей от меня знаку выбежала из гостиной, надевала на себя высокий белый фартук, снимала бережно ножичком чудное пирожное с железного листа, каждую фигурку окропляла малиновым сиропом, красиво накладывала на большое блюдо и возвращалась к гостям».

ностей. Но его рассказ постоянно поражает нас безыскусственной, наивной простотою летописи, и это обстоятельство еще более возвышает в наших глазах значение его записок как несомненного памятника времен минувших. Для того чтобы ярче выставить это значение «Детских годов», мы и останавливаемся несколько на той подробности, с которою автор передает каждый отдельный момент своих детских впечатлений. Для иных из читателей может показаться излишним и утомительным беспрестанное описыванье одной и той же дороги, то весной, то летом, то осенью, то зимою: одного и того же уженья, то на Мёше, то на Деме, то на Белой, то на Бугуруслане. Но мы уверены, что такое мнение может явиться только у тех читателей, которые совершенно несправедливо захотят видеть в «Детских годах» простое произведение легкой литературы. Напротив, кто обратит внимание на историческое значение записок С. Т. Аксакова, тот не посетует на автора за излишнюю растянутость его воспоминаний. Несколько лет тому назад такие же требования предъявлялись некоторыми по поводу «Записок Болотова», печатавшихся в одном из наших журналов: ^[7] говорили, что они слишком длинны, и требовали сокращения. Нам тогда еще казались не совсем справедливыми жалобы на растянутость мемуаров, и мы не понимали, как можно сокращать их, по тому уважению, что то или другое может показаться скучным для большинства читателей. Такого рода сокращения можно делать в посредственных драмах для сцены да в легких произведениях беллетристики. Но в истинном историческом повествовании каждая подробность может при случае пригодиться, если не тому, так другому. Например, для людей, специально занимающихся педагогическими вопросами, будут, вероятно, интересны в «Детских годах» многие мелочи, которые могут показаться скучными для охотников и рыболовов; а эти последние, в свою очередь, найдут здесь много частных заметок о птицах и рыбах, лесах, поплавках и удочках – заметок, неинтересных для большинства, но для них, может быть, очень важных. Точно так – для врачей могут быть не лишены любопытства многие подробности о болезнях и о нервных раздражениях Сережи, для психологов – его субъективные наблюдения, для историков литературы – замечания о книжках, какие он читал и какие были тогда в ходу, и пр., и пр. Так точно для нас показались особенно интересными те части воспоминаний, в которых рисуется деревенская жизнь наших старинных помещиков, и мы весьма благодарны автору, что он не скрывал и не сокращал ничего в тех фактах, которые сохранились в его памяти. Мы даже сожалели, что нашли в книге г. Аксакова менее подробностей об этом предмете, нежели сколько ожидали, судя по тому, что детские годы Багрова проходят среди тех людей, воспоминания о которых доставили г. Аксакову такой богатый материал для создания некоторых типов «Семейной хроники». Скучность изображений, относящихся к жизни людей, окружавших ребенка, объясняется, впрочем, весьма удовлетворительно, отчасти тем, что в этой жизни не было почти ничего резкого и поражающего, отчасти же особенностями личного характера автора. По природе своей и по первоначальному воспитанию, под влиянием матери, с которой, конечно, хорошо знакомы читатели «Семейной хроники», автор вовсе не принадлежал к числу детей, рано втягивающихся в практическую жизнь и с первых дней жизни изостряющих все свои способности для живого и пытливого наблюдения ее явлений. Круг интересов маленького Сережи долгое время был ограничен только миром внутреннего чувства, и из внешнего мира он обращал внимание только на то, какое ощущение – приятное или неприятное – производили на него предметы. Восхищение приятными предметами и отвращение от неприятных, доходящее часто до нервической болезни, выражается везде у автора весьма ярко. Но пытливого вопроса, склонности к работе мысли почти вовсе не заметно, точно так, как и в позднейших воспоминаниях автора из периода гимназии. Несколько раз, правда, уклонения от логики, естественной каждому человеку и еще не поврежденной в ребенке, вызывают и его на размышление и вопрос. Например, когда мать Сережи упрашивала его отца сменить старосту Мироныча в селе, принадлежащем их тетушке, за то, что он обременяет крестьян, и, между прочим, одного большого старика, и когда отец говорил ей, что этого нельзя сделать, потому что Мироныч – родня Михайлушке, а Михайлушка в большой силе у

тетушки, то Сережа никак не мог сообразить этого и задавал себе вопросы: «За что страдает больной старичок, что такое злой Мироныч, какая это сила Михайлушка и бабушка? Почему отец не позволил матери сейчас же прогнать Мироныча? Стало, отец может это сделать? Зачем же он не делает? Ведь он добрый, ведь он никогда не сердится» (стр. 58). Для разрешения своих сомнений мальчик прибегает к родителям; те стараются объяснить дело как умеют. Но легко понять, что их объяснения остаются крайне несостоятельными пред чистой детской логикой, и дело оканчивается тем, что ребенку велят читать книжку или заняться игрушками. Так почти каждый раз останавливается пытливость мальчика, особенно со стороны матери, которая часто находит случай сказать ему: «Ты еще, друг мой, мал и ничего не понимаешь». Не мудрено, если ребенок не умел и не хотел бродить один в лабиринте запутанных отношений, среди которых прошло его детство и которые трудно было бы разобрать и опытному взгляду, свободному от все примиряющей и все обесмысливающей рутины. Не мудрено, что живой, восприимчивый мальчик обратился исключительно к природе и своему внутреннему чувству и стал жить в этом мире, в котором не встречал столько противоречий, как в окружающих его житейских явлениях. Впрочем, все это объяснится всего лучше тогда, когда мы рассмотрим эту самую жизнь, как изображают ее нам воспоминания г. Аксакова, хотя его наблюдения по этой части и не столько обильны, как мы бы желали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Добролюбов имеет в виду отклики на изд.: Семейная хроника и воспоминания. М., 1856 (см.: Межов В. И. Сергей Тимофеевич Аксаков. Библиографический указатель. СПб., 1888, с. 11–13). Цитаты в тексте приводятся по этому изданию.

2.

Примерами могут служить речь П. И. Мельникова-Печерского на торжественном обеде 5 ноября 1857 г. в честь 50-летия Казанского университета, в которой С. Т. Аксаков был назван «первым русским писателем», и статья Н. П. Гилярова-Платонова о «Семейной хронике» (РБ, 1857, № 1), где Аксаков противопоставляется всей русской литературе как «художник в высшем смысле этого слова», чье «воззрение чище, выше и шире, нежели какое находим мы вообще у современных писателей» (с. 96).

3.

Добролюбов имеет в виду примечание К. С. Аксакова в его статье «Обозрение современной литературы»: «Сочинения С. Т. Аксакова стоят совершенным особняком в литературе нашей», они «требуют особого определения, особой оценки и имеют, свое особое значение среди нашей литературы» (РБ, 1857, № 1, отд. IV, с. 3). Мнение это было связано с тем, что, как считали славянофилы, С. Т. Аксаков был первым русским писателем, который взглянул на русскую жизнь «с положительной, а не с отрицательной точки зрения» (Хомяков А. С. Сергей Тимофеевич Аксаков. – РБ, 1859, № 3, с. VII).

4.

Бывшие студенты Казанского университета в приглашении, адресованном С. Т. Аксакову, просили его как студента первого выпуска и уважаемого писателя занять почетное первое место на торжественном обеде в честь 50-летнего юбилея университета (см.: Берлянд Б. Аксаков Сергей Тимофеевич. – В кн.; Жизнь замечательных людей в Казани, вып. 2. Казань, 1940, с. 166–167).

5.

Рецензию Добролюбова на «Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета» (вып. 1, СПб., 1857) – см.: II, 93–99.

6.

Имеется в виду «Письмо петербургского студента» в славянофильском еженедельнике «Молва» (1857, № 9, 8 июня).

7.

«Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793» – ценный мемуарный источник по истории, культуре, быту XVIII в. Добролюбов имеет в виду частичную публикацию книги в «Отечественных записках» (1850, № 4–10; 1851, № 1, 2, 4, 5); полностью – в приложении к журналу «Русская старина» 1870–1873.